

В далёком-далёком детстве, в то время, когда меня ещё не отдали ни в школу, ни в детский сад, я очень любил лазать в старый бабушкин шифоньер жёлтого цвета и царапать гвоздиком танчики на бордовом комодe, где хранились дедушкины вещи. За комодную «графику» меня били по попе. А потом, поняв, в чём дело, купили двенадцатилистовую тетрадку в клетку и набор цветных карандашей. Какой ребёнок не любит рисовать в четыре года? Кроме того, я был страшно любопытен. Например, я знал, где дед Иосиф хранит свои подтяжки для носков, а баба Груня прячет конфеты.

Как-то раз я подставил стульчик и выдвинул самый верхний ящик комода. Чего тут только не было: коробки с красными перьевыми ручками, отдельно перья к ним, диковинные чернильницы. Но особо мне понравились зелёные карандаши: если их послушавить, язык становился синим и после этого они писали лучше, чем чернильные ручки. Я позаимствовал один для своих тетрадных рисунков. И тут моё внимание привлекли четыре серые и одна синяя картонные коробочки размером с детскую ладошку. Открыв последнюю, я увидел большой круглый значок, на котором верхнюю часть звезды закрывал красный флаг с непонятной надписью. Вместо застёжки, как у обычных значков, на его внутренней стороне был кругляк с резьбой. И я всё не мог понять, как он крепится к одежде. В скром-

ных серых коробочках на сером же бархате покоились блестящие кругляши на полосатых подвесках. Раньше я видел такие по телевизору, их называли «медали». Они были только у дяденек, которые именовались ветеранами. Я тогда ещё не умел читать, поэтому сгрёб их все в охапку и понёс к бабушке.

– Баба, баба, посмотри, что я нашёл!

Баба Груня, женщина лет шестидесяти, перестала крутить ручку швейной машинки, поправила круглые роговые очки и воззрилась на меня сверху вниз.

– Ты чего там вытащил, внучек? Это ж дедовы награды, за войну.

– Баб, а что на них написано? – не унимался я.

Бабушка открыла первую коробочку.

– Здесь, Андрюша, написано: «За отвагу». А здесь, – открыв вторую, – «За взятие Будапешта».

Прочитав название, она аккуратно возвращала медали на их бархатное основание и закрывала крышку.

– А вот эта, со Сталиным, – «За взятие Германии».

В последней серой коробочке оказалась юбилейная медаль «20 лет Победы над фашистской Германией».

– Баба, а это что за значок? – я протянул ей синюю коробочку.

– Это, внучек, не значок, это орден Боевого Красного Знамени, на нём написано: «Пролетарии всех стран, соединитесь!».

– А кто такие пролетарии?

– Не важно, внучек. Когда вырастешь – сам поймёшь. А вот к логопеду тебя отдать надо. Говорила же Вале определить тебя в садик. А той всё некогда. Теперь вас двое у неё. Саше-то ещё и года нет.

– Баба, я люблю Шулика.

– Я вас обоих люблю, внучки мои родненькие.

И с этими словами она обняла меня и поцеловала в щёчку. Под очками блеснула слеза.

– Ну всё, поигрался и будя. Верни награды деда Иосифа на место. А то придёт с работы – ругаться будет. Он же за них кровь проливал.

Я опять сграбастал все коробочки в охапку и понёс обратно в комод. Хотелось расспросить о них самого деда. Теперь я точно знал, что мой дед Иосиф тоже ветеран войны. Вот только почему-то по телевизору его никогда не показывали, как других ветеранов, которые проходили чинным парадным строем мимо мавзолея дедушки Ленина. Но я своего деда обязательно расспрошу, когда он будет в настроении и не будет кричать на бабушку и на меня с мамой.

Мой дед по матери, Круглековский Иосиф Адамович, родился 5 августа 1915 года в многодетной польской семье под Иркутском. Он был средним братом. Старшим был Борис, а младшим – Алексей. Младше Алексея были только сёстры, Зоя и Валентина. Сохранилась фотография родителей деда. На коричневом выцветшем фоне запечатлены стоящий возле складной подлокотной тумбочки поручик с усами, как у Будёного, с двумя царскими наградами на мундире, и сидящая на стуле женщина в глухом тёмном платье, уходящем в пол. Мне же больше нравится довоенная жёлтая фотография ещё молодых дедушки с бабушкой, где он стоит в старомодном костюме, опершись рукой о стул, на котором сидит она в осеннем пальто. Их лица выражают полную безмятежность...

Но оторвёмся от семейного фотоальбома. С дедом мне так толком поговорить и не удалось, потому что он всегда приходил с работы поздно и почти всегда с початой бутылкой водки в кармане. Поэтому вынужден буду рассказать то, что поведала о нём моя бабушка.

Как-то вечером я её прямо спросил:

– А почему дед Иосиф всё время пьёт?

– У него раны болят ещё с Германской... Один осколок у него в голове, а другой возле сердца. Который был в голове, в прошлый год вышел через десну, а который возле сердца – может пойти в любой момент... И ещё у него пластина в черепашке.

– Что, тоже ранение?

– Да какое ранение?! Подрался с кем-то по пьяни на школьном дворе, а они его по голове ломом возьми да и гвоздани. Хорошо, что хоть жив остался, вояка.

– Баба, но ведь деда же не всегда был завхозом в школе?

– Не всегда. Мы с ним познакомились на лесоповале, недалеко от Бодайбо (это в Иркутской области), в тридцатых годах. Он тогда был охранником специальных лагерей НКВД. Я была простой поварихой при отряде. Это было лучше, чем валить лес. Особенно после голодных двадцатых... Я, как обычно, сварила борщ из свежей капусты. А он, видно, умаялся, прилёг у костра. Ну я и угостила его. Иосифу так понравился мой борщ, что он стал специально приезжать на наше становище за десятки километров. Через три года мы расписались в Тайшете и стали жить вместе.

– Баба, ты мне лучше расскажи, как он на фронте фрицев бил?

– Андрюша, какой ты, однако, неугомонный. Дед Иосиф скрытный, как партизан, даже мне, своей законной супруге, мало что рассказывал. Всё, что я от него знаю: служил он в полковой разведке в звании старшего сержанта. И у него была своя разведгруппа. Брал языков без единого выстрела, чтобы не пикнули. А часовых он снимал большим финским ножом, похожим на кортик. С такой перегородкой между остриём и ручкой. Дед даже привёз его из Германии вместе с трофейными бритвами, ложкой и сапогами.

После этих слов у меня загорелись глаза.

– Бабушка, а можно мне этот нож зазырить?

– И где ж ты таких слов нахватался, Андрюша? Неужто в садике?

– Да. Я уже почти год хожу в «Теремок», и тётя логопед научила меня выговаривать букву «р».

– Молодец, внучек. Только вот нож я спрятала от греха подальше и от деда, и от Юрки.

Дядя Юра – мой дядя, брат матери, живёт в далёком Якутске.

— Дрались они часто меж собой, отец и сын, — продолжала рассказ бабушка Аграфена. — Не знаю даже, в чём дело было. Особенно когда оба выпьют, сцепятся. И тогда глядишь: то топор летит, то нож... Вот я спрятала его где-то на чердаке лет двадцать назад. А в каком месте, уж и не вспомню...

Я немного огорчился, но бабушка дала мне десять копеек, и я опрометью бросился в кино-театр «Октябрь», чтобы успеть на детский сеанс в три часа.

Там как раз шёл новый киносборник мультфильмов. А на заначку в шесть копеек я купил себе батончик аскорбинки в таблетках.

В июле семьдесят шестого года к нам в гости приехал дядя Юра с семьёй — тётей Людой и моим двоюродным братом Игорем. Рады были все: мама, папа, бабушка и даже дед Иосиф. Но больше всех радовались мы с Шуриком, потому что дядя Юра подарил нам настоящие игрушечные автоматы. Когда нажимался курок, вспыхивала лампочка на стволе и автомат начинал издавать характерный тархтящий звук. Бабушка на радостях запекла гуся, фаршированного гречкой. В зале накрыли большой круглый стол с массивными ножками. И — я больше такого никогда не видел — водку пили все, даже непьющие мать с бабушкой.

Затем достали с шифоньера гармонь и балалайку — и начался настоящий концерт. Дядя Юра солировал на гармонии, а бабушка выдавала разбитные аккорды на балалайке. Мать с бабушкой даже спели несколько частушек. Дед Иосиф пытался затянуть какую-то мрачную песню, но его никто не поддержал.

Дядя Юра был похож больше на бабу Груню, чем на деда Иосифа: рослый, широкоплечий, с большим круглым лицом, на котором сочетались высокий разлёт бровей и крупный, мясистый нос. А когда дядя широко улыбался, было видно, что часть его зубов — золотая...

Тётя Люда, его жена, весёлая кудрявая брюнетка, точила лясы преимущественно с моей матерью, худенькой голубоглазой женщиной с вечно короткой стрижкой. А я, хоть мне и было тогда всего шесть лет, начал показывать своему двоюродному брату Игорю дом, огород и окрестности, как завзятый экскурсовод. Игорю шёл десятый год, и он был вылитая тётя Люда: такой же чернявый и кучерявый. Дед Иосиф говорил о житье-бытье со своим сыном. В подпитии они

просили друг у друга прощения за то, что дрались когда-то, как «пацаны», обнимались и целовались. Лишь мой отец, плотный голубоглазый мужчина лет тридцати, сидел один-одинёшенек в уголке с наполненной до краёв рюмкой. Так вышло, что он просто не вписался в «семейную обойму».

Дядя Юра хотел погостить в родительском доме с недельку, а затем ехать в Тяжин к родителям жены Людмилы. Но его планам не суждено было осуществиться. Дед Иосиф настолько был рад приезду сына, что от радости не просыхал. И вот однажды он упал на пол, несколько раз судорожно дёрнув ногами. Его парализовало. Вызвали скорую, врачи поставили диагноз: «алкогольный паралич». И ещё добавили: «Возможно, он оклемается и даже будет ходить. Но если он и дальше продолжит в том же духе, его или парализует насовсем, или он умрёт».

— Отец, вот ты нам «праздник» устроил, — сказал в сердцах дядя Юра. — Придётся ещё у вас тут на недельку задержаться, пока ты в чувство не придёшь.

Дед Иосиф лежал на бабушкиной кровати как солдатик, навьютяжку, и лишь изредка смеживал веки. На нём были неизменная чёрная рубашка и чёрные же брюки, кроем напоминающие галифе. Его кормили с ложечки и протирали испарину со лба. На пятый день его отпустило. Он поднялся и стал ходить, как воскресшённый Иисусом Лазарь.

Перед отъездом в Тяжин дядя Юра сказал ему, глядя прямо в глаза:

— Батя, ты давай, это, бросай пить. А то скопытишься — и я даже до Якутска доехать не успею.

— Прости, сынку. Удачной вам дороги.

После этих слов дед расплакался и начал обнимать и целовать отъезжающих, как будто чувствовал, что прощание это всерьёз и навсегда.

Наступил день рождения деда Иосифа, пятое августа, четверг... Бабушка опять поставила в духовку гуся, на этот раз с яблоками, любимое блюдо деда. Вечер обещал быть весёлым и праздничным. Но в шесть вечера дед с работы не вернулся. «Опять загулял с друзьями», — подумали все. А мой отец как работник милиции, засомневался и пошёл звонить в школу по телефону-автомату. Мать не находила себе места,

а бабушка грустно сидела у плиты. Дальше всё было как в плохом детективе.

Вернулся отец и сказал:

– Трубку взяла уборщица. Говорит, все ушли по домам, а подсобка Адамыча закрыта изнутри, но свет под дверью горит. Я ей: «Так вы постучите или откройте запасным ключом. Вдруг человеку плохо?» А она мне: «Сейчас за слесарем схожу». И трубку положила. Тупая курица. Я сейчас сам в школу сбегаю и всё узнаю. Так лучше будет. Вы, главное, не волнуйтесь, дамы. Я думаю, ничего страшного с Адамычем не произошло. Выпил и спит. С кем не бывает?

И отец споро зашагал в сторону Угловой улицы.

Он вернулся хмурый где-то через час. И вытер пот со лба.

– Плохи дела. Кажись, помер Адамыч в своей кандейке. Только что скорая увезла, без признаков жизни. Аграфёна Фадеевна, примите мои соболезнования.

Бабушка застыла с чапליйкой в руке.

– Валя, ты тоже мужайся. Нам с тобой ещё завтра в морг ехать, забирать тело.

Мама упала в обморок. Отец начал шлёпать её ладонями по щекам. А бабушка набрала холодной воды в рот и прыснула ей в лицо.

Мама очнулась и зарыдала в голос:

– Папочка, родненький, зачем ты нас покинул?!

Я бестолково крутился под ногами взрослых на кухне, стараясь понять, что происходит. И что это за странное слово «помер», из-за которого так плачет мама?

– Коля, – обратилась бабушка к моему отцу, – ты ведь там был. Расскажи нам, как всё это произошло?

– Точно не знаю, но слесарь, который вскрывал дверь, тоже пил вместе с ним. С его слов, они просто посидели втроём в подсобке Адамыча, остограммились. И каждый пошёл заниматься своими делами. А Адамыч остался. Последнее, что он сказал: «Мужики, вы идите. А я чутка покомарю». Когда мы взломали дверь, он так и сидел, повалившись грудью на стол, будто спал. Слесарь стал его тормошить: «Адамыч! Адамыч! Вставай!». А он уже как деревянный, руки свело трупной судорогой. Пока дождалась скорую, ещё сорок минут прошло. Вот такие пироги...

После рассказа отца мать завывала и бросилась ему на грудь. Тот стал её утешать, гладить

по голове. Я понял, что с дедом Иосифом что-то случилось, раз его забрала неотложка. «Ничего, – думал я. – Деда – он крепкий, поправится, скоро его обратно привезут».

И на следующее утро к нашим воротам подъехал грузовик с откидным бортом и к нам в дом внесли странный красный ящик с чёрной зубчатой лентой посередине. Кроме того, в ограде поставили какие-то зелёные решётки и пирамидку того же цвета с красной звездой. Когда открыли крышку ящика, там оказался наш дедушка Иосиф в новом сером пиджаке в полоску и штиблетах. Единственное, что мне не понравилось: кто-то порезал ему лицо бритвой. Возле щёк и подбородка были окровавленные бинты. Я хотел поздороваться с дедом. Но потом понял: здесь что-то не так.

Дед Иосиф лежал навтыяжку, как и тогда, когда его парализовало, но не дышал и веки его не дёргались. И кисти рук почему-то были сложены на груди. В такой позе никто не спит. Этот уродливый красный ящик с чёрной бахромой взрослые называли странным словом «гроб».

Тут подошла бабушка, взяла меня за руку и сказала:

– Горе-то какое, Андрюшенька! Нету больше твоего деда Иосифа. Умер на собственный день рождения. Говорят, пуля фашистская, которая дремала у него под сердцем, вдруг взяла и пошла, закупорив артерию.

Так я впервые в жизни столкнулся со смертью близкого человека. И я невольно всплакнул. Но быстро опомнился и растёр слезу кулаком. Слезы, как говорил мне отец, – привилегия женщин. Мужчины не плачут – мужчины огорчаются. И вот я огорчился до глубины души.

Младший брат Шурик влетел в зал, как маленький «кукурузник»:

– Деда! Деда вернулся! Деда, дай «Ленина»!

И начал тянуть ручонки к гробу. Мать схватила его за руку и увела в соседнюю комнату со словами:

– Сашенька, не мешай дедушке. Видишь, он спит.

Затем порылась в сумочке, извлекла из неё металлический рубль с барельефом вождя.

– Вот тебе «Ленин», иди играйся.

При этом на лице матери не дрогнул ни один мускул. Но когда Шурик выбежал с монетой на улицу, она вновь подошла к лежащему во гробе

и разрыдалась. Ни отец, ни бабушка не могли её успокоить.

Я пристальней взгляделся в черты дедова лица. Он как-то осунулся, посерел. И ещё этот тошнотворно-приторный запах мёртвой крови... Из подслушанного мной диалога между отцом и бабушкой я понял, что деда Иосифа в морге похабно побрил пьяный цирюльник. Поэтому пришлось прикладывать к щекам и подбородку спиртованные марлевые тампоны.

Отец, на чьи плечи легла организация похорон, отбил телеграммы дяде Юре в Тяжин, деду Алексею в Бородино Красноярского края и своим родителям, деду Пете и бабе Дуне, в Лукошкино Топкинского района. Все два дня, что тело деда Иосифа находилось дома, приходили какие-то незнакомые мне дяди и тётки, стояли по несколько минут у гроба, а затем молча уходили. Странно, но почему-то никто из них не плакал, как мама с бабушкой. Возможно, потому, что все они были не родственники, а просто соседи, друзья, сослуживцы...

Спать эти две ночи было жутко страшно. Всю ночь горели свечи у дедова изголовья. Какие-то непонятные женщины в чёрном что-то шептали над книжкой. Как мне позже пояснила бабушка, это были поминальные молитвы. И вот наступило седьмое августа, суббота, на которую и был назначен день похорон. Приехали родственники и знакомые, которые знали деда. Их набралось человек двадцать. Странно, почему почти никто из них не навещал деда Иосифа при жизни? Наверное, смерть – это праздник, только наоборот. Люди не смеются, а плачут. Но также собираются вместе в ожидании большого застолья...

Кто-то из друзей-фронтовиков предложил сфотографировать деда Иосифа «при параде». Бабушка охнула, но всё же принесла пять заветных коробочек из комода. Чьи-то женские руки ловко прицепили медали к пиджаку. Для того чтобы привинтить орден, нужно было продырявить лацкан насквозь. Но никто колоть шилом новую ткань не хотел. Тогда папа, недолго думая, вкрутил награду в прорезь для пуговицы на кармане. Мой двоюродный брат Юра, племянник отца, сделал несколько снимков со вспышкой большой фотокамерой.

Проститься со старшим братом приехал дед Алексей из посёлка Бородино Красноярского

края. Он был небольшого роста, с правильными чертами лица, зализанными назад чёрными волосами. Но вот постоянно бегающий взгляд маленьких карих глаз мне почему-то сразу не понравился. Он дольше всех из гостей пробыл у гроба деда. И был единственным из мужчин, кто всплакнул и утёр слезу платочком.

Когда пришло время выноса гроба, дед Алексей подошёл откуда-то сбоку и, указывая пальцами на награды, сказал всем присутствующим:

– Если не возражаете, я сниму это. Негоже закапывать в землю боевые награды. После похорон отдам внукам, чтоб помнили деда Иосифа.

Никто не протестовал – он как-никак родной брат покойного. Дед Алексей молча стал снимать медали с дедовой груди и складывать их в карман своего потёртого чёрного пиджака. Четыре серых и одна синяя коробочки остались сиротливо лежать на подоконнике. Когда дед Иосиф навсегда покинул свой дом, купленный в сорок шестом году на деньги министерства обороны, играла душераздирающая духовая музыка. Мне стало дурно, и я закрыл уши, чтобы не слышать все эти завывания начищенной до блеска меди. Казалось, на прощание с моим дедом пришла вся улица Сакко, на которой он прожил без малого тридцать лет.

Какой-то седовласый оратор завёл пространную речь, и я вытащил пальцы из ушей.

– Иосиф Адамович был мужественным человеком, ветераном Великой Отечественной войны, ответственным работником и примерным семьянином. В его лице наша ветеранская организация и администрация школы номер двадцать три понесли непоправимую утрату. Спокойно, наш боевой товарищ. И знай, что ты не зря прожил свои пятьдесят девять лет, отданных служению светлым идеалам Коммунистической партии и советского народа. Ты навсегда останешься в наших сердцах. Прощай, Адамыч!

Сохранилась фотография тех лет, где вокруг разверстого в вечность дедова ложа стояли дядя Юра с тётей Людой, дед Алексей, баба Груня со своей сестрой бабой Марусей, мой отец с матерью, родители моего отца, дед Петя и баба Дуня, а также старший брат отца дядя Толя с женой, тётей Тоней... И ещё много других людей, имён которых я даже сейчас и не вспомню. Всё-таки больше сорока лет прошло с тех пор.

Меня в отличие от трёхлетнего брата взяли на кладбище. Мы ехали на каком-то чудном ав-

тобусе, который все почему-то называли «кастафалк». Центральное кладбище № 1 тогда ещё было «заселено» только наполовину. Оно походило на большое картофельное поле. Только ямки на нём были какие-то неправильные, прямоугольные. В одну из таких ямок, именуемых взрослыми могилками, и опустили на длиннющих вафельных полотенцах небольшой красный ящик с телом деда Иосифа.

Жаль, ведь мы с ним так и не успели поговорить по душам о войне, о наградах, о подвигах... Всё, что я знал и знаю сейчас о нём, это заслуга моей бабушки Аграфены Фадеевны. Я, как и все, кинул в могилу горсть глинистой земли. Какая-то незнакомая женщина отломала мне полбуханки белого хрустящего хлеба. То ли я действительно проголодался, то ли так переволновался, но я умял её за то время, пока делали насыпь, ставили памятник и оградку.

И тут до меня донеслись голоса:

– А чего ж вы военную фотку на памятник прилепили?

– Да не было другой подходящей. Он же не любил фотографироваться. Если только сказать Юре, чтоб сделал копию с профсоюзного билета...

Да, действительно, с зелёной пирамидки молодцевато так смотрел на нас молодой дед Иосиф в военной форме, в фуражке, увешанный боевыми медалями.

Про дедовы награды вспомнили только на следующий день. И то случайно. Мы с младшим братом взяли бесхозные коробочки с подоконника и начали играть ими в «машинки».

– Батюшки, а медали где ж?! – всполошилась бабушка.

– Да вроде дядя Лёша их себе в карман клал.

– Круглековский или Абраменка?

– Наш дядя Лёша, Круглековский.

– Ох, горе-то какое. Если этот басурман забрал, то уже не вернёт.

– Но он же при всех обещал отдать медали внукам, – защищала деда Алексея моя мать.

– Да что ты вообще о нём знаешь? – возмущалась бабушка. – Он шесть лет сидел в Халхин-Голе под юбками. Мне Мария, его жена, рассказывала...

Но увидев, что внуки перестали играть и тоже слушают, замолчала. Лишь спустя годы баба Груня поведает мне тайну деда Алексея.

В восемьдесят втором году мы всей семьёй (кроме бабушки) ездили в гости в Красноярск к

родственникам. Моя мать раньше дружила с тётей Элей и дядей Валерой, детьми Алексея Адамовича. Как только он узнал, что мы приехали в Красноярск, позвонил нам и пригласил к себе в гости, в Бородино. Мои мама с папой с радостью согласились. Дед Алексей подкатил к дому дяди Валеры, где мы кантовались три дня, на шикарную чёрной «Волге» ГАЗ-21. Бегущий никелированный олень волшебным сиял на гладком капоте. Сам дед за эти годы мало изменился. Такие же острые скулы и нос. Даже костюм на нём, казалось, был тот же самый, что и в день похорон деда Иосифа. Только седина на висках прибавилось и задумчивости во взгляде.

Наконец мы прибыли. Баба Маша, жена деда Алексея, рыженькая пожилая женщина лет шестидесяти, оказалась на редкость гостеприимной. Но сам шахтёрский посёлок городского типа мне не понравился. Во-первых, здесь не было парка аттракционов, как в Красноярске, во-вторых, сразу же за домом вместо детской площадки начинался угольный разрез (типа нашего «Краснобродского»), с шагающим экскаватором внутри котлована, ну и, в-третьих, мороженое было просто отвратительное: на зубах то и дело скрипела манка. Когда мы уезжали, дед Алексей подарил нам свою фотографию. С неё взирал ветеран весь в медалях и орденах, как новогодняя ёлка. Я хотел напомнить матери про награды нашего деда Иосифа, которые бесследно сгинули в бездонной пропасти его кармана. Но получил подзатыльник. И увидел, как мать глазами и мимикой приказывала мне молчать. Я так и не задал деду Алексею вопрос на засыпку: «А где же награды деда Иосифа? Ты же обещал нам их отдать взад. А, деда Лёша?».

Несмотря на то что я уже окончил восьмилетку и учился в ПТУ, родители по старинке отравили меня на все зимние праздники к бабушке. И вот как-то за кружкой чая разговор снова зашёл о дедовых наградах.

– Баб, а баб. Объясни мне, пожалуйста, почему наш дед всю войну прошёл, а у него всего три медали и орден. А дед Алексей, с твоих слов, был простым интендантом в тылу, а наград у него как у Брежнева? Здесь что-то не так.

– Хорошо, Андрюша, я открою тебе семейную тайну, только ты никому не рассказывай. Мне это Мария, его жена, когда у нас в гостях

была, рассказывала. Японцев в Монголии наши разбили ещё в тридцать девятом. Но на всякий пожарный оставили там несколько боевых частей. Ну и, естественно, склады с боеприпасами и снаряжением. На одном из этих складов и служил дед Алексей в качестве интенданта, вплоть до окончания войны с Германией.

– Тогда откуда у него боевые награды, раз он только тушёнкой и махоркой заведовал?

– Мария говорила, что снимал с убитых лётчиков, а иногда выменивал ордена на спирт и тушёнку.

– Как это?

– Он служил ещё во время халхин-гольской... Раньше ордена и медали хранились там же, где и боеприпасы. Нечистые на руку люди делали на этом, как это принято сейчас говорить, бартер.

– Ого, бабуля, какие ты слова знаешь.

– А как же. Чай, каждый день по телевизору новости смотрю. Вот поэтому твой дед Алексей весь в медалях, как собака в репьях. У него даже корочки ветерана Отечественной войны есть и справка о лёгком ранении. Правда, непонятно, в какое место... – улыбнулась бабушка. – Запомни, внучек: не всяк, кто орденами планками увешан, ветеран. Сколько их тогда было после войны, мародёров и самозванцев...

Когда я пошёл служить в армию в восемнадцать восьмом году, связь нашей семьи с дедом Лёшей прервалась. Дембельнувшись в девяностом из Германии, я услышал краем уха от матери, что, по словам Элки, деда Алексея парализовало в прошлом году. С тех пор звонки и письма из Красноярска прекратились. В девяносто первом году умерла моя бабушка Аграфена. Таким образом, судьба дедовых наград покрылась непроницаемым свинцовым саркофагом неизвестности.

Но как-то раз я подошёл к матери, которая мирно дремала в кресле в своих любимых роговых очках после просмотра очередного сериала.

– Мама, а вот интересно: куда денутся награды деда Алексея вместе с нашими, деда Иосифа, если того не станет? Ну хотя бы гипотетически?

Мать проснулась и уставилась на меня своими мутными голубыми глазами сквозь толщу цилиндрических линз.

– А, Андрей, это ты? Напугал меня.

Я повторил вопрос.

– Куда-куда? Закопают вместе с хозяином. И вообще я не хочу больше касаться этой темы, – и с этими словами она щёлкнула пультом телевизора.

Недавно в КоАП РФ я нашёл интересную статью 17.11 «Незаконное ношение государственных наград». Цитирую: «Ношение ордена, медали, нагрудного знака к почётному званию, знака отличия Российской Федерации, РСФСР, СССР, орденами лент или лент медалей на планках лицом, не имеющим на то права, влечёт предупреждение или наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей с конфискацией ордена, медали, нагрудного знака <...>».

100

Но здесь ничего не сказано о том, что делать, если в качестве мародёра выступает близкий тебе человек и все родственники шикают на тебя... Мол, не тревожь покой мертвецов. Но я лично считаю, что нравственные преступления не имеют срока давности. Или всё-таки имеют? Мне уже сорок восемь. Я не держу зла на деда Лёшу, но мне до сих пор хочется ещё раз подержать в руках боевые награды моего деда, который принёс Победу, Доблесть и Славу той стране, в которой мы имеем счастье жить, растить детей и радоваться мирному небу над головой.

